

Глава 2

Задавший вопрос мужчина сидел за обеденным столиком у деревянных перил расписной ладьи, погружённый в ночной ветер.

На вид он был ровесником Шэнь Чии — разница в возрасте не превышала десяти лет, — но в нём не было и следа той расслабленной лени, с которой Шэнь Чии стоял у борта. Напротив, плечи его были прямы, выражение лица — суровым. Он смотрел на неясный речной берег, и его глаза оставались пустыми — он даже не повернул головы, чтобы взглянуть на Шэнь Чии.

Шэнь Чии с улыбкой быстро подошёл и легонько поставил перед ним золотой фонарь-журавля.

— Само собой, лучший способ преподнести золотой светильник — подарить его красавице.

Свечной огонь мгновенно озарил безупречное лицо молодого человека.

Это было лицо, словно выписанное с величайшей тщательностью, не упустившей ни единой чёрточки.

Брови и глаза напоминали точки туши, поставленные единым росчерком кисти. Глазницы глубоки, чёрные зрачки отражали золотое пламя фонаря — пустые, но исполненные духа. Переносица прямая и высокая, подбородок очерчен, но не сжат, губы тонки, но не бледны.

Во всех поэтических и живописных свитках не сыскать таких ясных очей и белоснежных зубов.

Яшмовая шпилька стягивала волосы, концы которых ниспадали на белый халат, сшитый из той же парчи с золотым узором. Чёрное и белое перекликались, словно густая тушь, пролитая на снежные равнины, — точно одинокая сосна, возвышающаяся среди белой пустоши, — чистые и изящные.

Этот белый халат с чёрными бамбуками из золототканой парчи Шэнь Чии подбирал с особой тщательностью, чтобы надеть на этого человека, и теперь, глядя на него, он убедился, что наряд сидит идеально.

Шэнь Чии не снял широкополую шляпу с вуалью. Сквозь белую кисею, при свете фонаря, любоваться красавцем было ещё упоительнее — добавлялась слоистая дымка, от которой на душе становилось легко и радостно.

Однако красавец безжалостно разрушил очарование:

— Жаль, что господин Су так добр. Моя глазная болезнь ещё не прошла, я ничего не вижу. Какой бы светильник мне ни подарили — для меня нет разницы.

Каждое слово — словно лёгкий ветерок, касающийся изумрудного бамбука: свободно, изящно, колыхнется, но не ломается.

Драгоценный дар, за который тысячи людей готовы были биться, казалось, не вызвал в этом человеке ни малейшего волнения.

Шэнь Чии, однако, не пал духом.

Он вымыл руки приготовленной влажной салфеткой, взял пирожок с зелёной фасолью и, откусив кусок, невозмутимо произнёс:

— Брат Му, тут ты не прав. Разница огромна! Я разузнал: прежде чем стать главным призом на Празднике фонарей, золотой фонарь-журавль из павильона Дэнъюнь на Тунхуае целый год держат в многолюдном храме, окуривая благовониями. Кто бы ни приобрёл его домой — он отгоняет болезни и беды.

Он покосился на маленький расшитый мешочек, висевший на поясе брата Му.

Брат Му носил этот мешочек каждый день, не снимая ни на миг. Что внутри — Шэнь Чии не знал, но, помогая брату Му надеть верхнюю одежду, он внимательно разглядел его: на мешочке была вышита буддийская гатха, которую он не мог понять.

— Я догадался, что брат Му чтит Будду, и не хотел, чтобы ты упустил эту вещь. Раз уж я её подарил, хочешь — не принимай, раз не видишь, хочешь — просто храни, а когда прозреешь, полюбуешься фонарём. Делай с ним что хочешь. Я... кхм-кхм...

В горле у Шэнь Чии пересохло, и он услышал, что его голос стал ещё более хриплым.

Он поспешно схватил со стола остывший чай, сделал несколько глотков и прочистил горло.

Хотя голос немного восстановился, он всё равно был на несколько тонов ниже, чем обычно.

Это была его беда.

Он был современным человеком, попавшим в роман о дворцовых интригах, и в его сознании имелась система, стандартная для всех «попаданцев».

Но он попал в сюжетный фон — всего лишь упомянутого вскользь бесполезного молодого князя, наследника Цан-вана, чей персонаж был немощным и никчёмным, не имеющим отношения к основной линии сюжета.

И его система практически не работала — обычно она была выключена.

Он не был исполнителем заданий с золотым пальцем, а всего лишь статистом, ожидавшим, когда закончится оригинальный сюжет, чтобы спокойно дожить свой век.

Несколько месяцев назад, прикинув, что оригинальный сюжет дошёл до самой острой фазы и что кто-то непременно позарится на него, как на праздного члена императорского рода, он, чтобы избежать беды, объявил, что у наследника Цан-вана обострилась старая болезнь и он прикован к постели, не принимает гостей, а сам тайно, скрыв личность, отправился в Цзяннань на отдых.

Но как раз в это время на юге свирепствовала зимняя эпидемия, и он заразился — ложная болезнь стала настоящей.

Хотя через несколько дней он поправился, горло было повреждено.

Лекарь сказал, что голос осипнет ещё на месяц с лишним.

Но в беде есть и удача. Именно из-за этой болезни он попал в лечебницу, где и увидел этого ослепшего молодого господина, попавшего в беду.

Тогда этот человек молча сидел за многослойными занавесями лечебницы, туманный, словно в дымке.

Лишь когда лёгкий ветер приподнимал край занавеси, можно было разглядеть его черты — кости, выступавшие чуть сильнее, чем плоть, величественные, но не вульгарные.

Шэнь Чии невольно остановился и долго разглядывал его украдкой.

Неизвестно откуда взявшийся красавец с потухшими глазами, ничего не видящий, лишь молча вслушивался в шумную уличную толпу за окнами. На его суровом лице застыла тревожная тоска. О чём он думал, было неведомо.

Но вряд ли о чём-то хорошем.

— Такой чистый, неземной господин, подобный сошедшему с небес бессмертному, — почему он одинок и бесприютен среди мирской суеты?

Он спросил у лекаря:

— Тот господин, что сидит там, — мне кажется, я учился с ним в одной школе, но боюсь

ошибиться. Можно узнать его имя и происхождение? Почему он здесь?

— А, это — его зовут Му, Му Чэньсюэ, — ответил лекарь.

— Говорит, что родом из купеческой семьи. Несколько дней назад, когда вёз товары домой, на него напали разбойники. Он не только потерял своих слуг, но и был отравлен: разбойники кинули ему в глаза снотворное, он ослеп и потерял сознание. Его случайно подобрал подмастерье лекаря, выезжавший за город за травами, и привёз в город.

— Так опасно? А он не связался с семьёй? Почему до сих пор в лечебнице?

— У него ни гроша, негде остановиться. Он решил дожидаться, пока глаза поправятся, и тогда связаться с родными, чтобы те оплатили лечение. Если вы, господин, знакомы с ним, можете помочь.

Шэнь Чии не выносил, когда красота страдает, и мгновенно проникся мыслью помочь.

Он назвал вымышленным именем, которое использовал в путешествиях, — Су Я, сказав, что он из боковой ветви клана Су из Линаня, оплатил Му Чэньсюэ лечение и пригласил его поправляться на своей расписной ладье, где он путешествовал по Цзяннани.

Он думал, что, раз они вовсе незнакомы, приглашение потребует немалых усилий, но, к его удивлению, Му Чэньсюэ с радостью принял предложение.

Но, в конце концов, они были случайными знакомыми, не знавшими друг друга.

В первые дни знакомства Му Чэньсюэ был крайне сдержан, почти не разговаривал с ним, каждое слово было в рамках приличий.

Позже, в один из дней, они с Му Чэньсюэ сидели на носу расписной ладьи и вместе слушали, как Улин читает из правительственного вестника о военных и государственных делах. Слушая, слушая, Шэнь Чии уснул.

Проснувшись, он протер глаза и услышал, как Му Чэньсюэ спрашивает его: «Каждый раз, когда выходит новый выпуск вестника, господин Су не желает его пропускать. Я думал, вам это нравится, но почему же вы уснули? Если вам скучно, можно и не слушать».

Он зевнул и, в полудреме неправильно истолковав слова, решил, что Му Чэньсюэ не хочет слушать вестник, и сбивчиво объяснил: «В прошлый раз я водил брата Му в чайную послушать музыку. Брат Му так внимательно слушал, как за соседним столиком обсуждали чиновничьи дела из вестника, что я несколько раз окликнул вас, но вы не отреагировали. Я и подумал, что вам это нравится... Поэтому я самовольно велел своему слуге следить за новыми выпусками, чтобы вам не было скучно днём».

Судя по тому, как они общались последние несколько дней, Шэнь Чии был уверен, что Му Чэньсюэ непременно ответит крайне вежливой фразой: «Не стоит утруждать себя, господин Су».

Но Му Чэньсюэ промолчал. Его благородное лицо не выдавало ни единой мысли.

Шэнь Чии постепенно протрезвел. В наступившей тишине, внезапно вспомнив слова мужчины, он с запозданием осознал, что ответил не попад.

А его вырвавшиеся объяснения, напротив, походили на намеренное хвастовство и желание выслужиться — и то не факт, что собеседник оценит.

«...» Он мгновенно покраснел от смущения и неловко улыбнулся: «Прошу прощения, брат Му, что выставил себя на посмеище. В следующий раз я обязательно буду внимателен и не усну».

«Я немного разбираюсь в музыке».

«...М?»

«Сейчас я не вижу, и играть на цитре довольно сложно, но играть на флейте, наверное, смогу. Раз вы любите слушать музыку, есть ли у вас бамбуковая флейта?»

Шэнь Чии немедленно отправил Улина в мастерскую флейт и свирелей за самой дорогой.

Так их досуг переключился с чтения книг и газет на игру на флейте.

После того дня Му Чэньсюэ, хотя на словах и оставался вежливым, на деле во многом потакал Шэнь Чии.

Если этот человек докучал ему до крайности, он даже проявлял некоторый норов — но на Шэнь Чии это нисколько не действовало.

Шэнь Чии, почувствовав слабинку, совсем обнаглел: целыми днями приставал к Му Чэньсюэ с просьбами сыграть или тащил его с собой на ночной рынок прогуляться рука об руку, полюбоваться фонарями и выпить.

Как, например, сейчас.

Праздничная иллюминация уже почти угасла.

Свечи мерцали. Му Чэньсюэ просидел до сих пор и только теперь медленно поднялся. Опустив

взгляд, он сказал: «Я сегодня неважно себя чувствую. Если у господина Су ещё есть желание повеселиться, не обращайтесь на меня внимания. Я не составлю вам компанию».

Мужчина провёл руками по краю стола, его пальцы коснулись золотого фонаря. Движение на мгновение замедлилось, быстро затрепетавшие ресницы выдали мимолётное колебание.

Под белой вуалью взгляд Шэнь Чии опустился.

Этот человек явно ничего не видел, но, казалось, чувствовал его взгляд. Только что он колебался, но в следующее мгновение отдернул руку, так и не взяв фонарь-журавль.

Он лишь взял трость для слепых и, развернувшись, пошёл прочь.

«Брат Му нездоров, мне позвать лекаря?»

«Не нужно».

Шэнь Чии усмехнулся, быстро проглотил пирожное с зелёной фасолью, подхватил золотой фонарь-журавль и последовал за ним, присматривая за дорогой, и проводил до комнаты.

Едва войдя, Му Чэньсюэ хотел поставить трость, но рука нечаянно задела подсвечник на чайном столике, который ещё не зажгли.

Уши Шэнь Чии дрогнули. Почти в тот же миг, когда подсвечник готов был упасть, он развернулся, изящно обогнул Му Чэньсюэ, подскочил к столику, чуть приподнял левое колено и ловко подбросил уже летевший вниз подсвечник, поймав его в ладонь, и аккуратно поставил на место.

Он мог бы просто броситься вперёд и перехватить, но нарочно выбрал этот эффектный способ — чтобы вызвать восхищение.

Проделав всё это с безупречной грацией, он встряхнул рукава, самодовольный, обернулся и посмотрел на реакцию брата Му.

Но тот стоял рядом с безучастным лицом — его глазная болезнь ещё не прошла, взгляд был расфокусирован, так что он, естественно, ничего не мог видеть.

«...» Мысли Шэнь Чии заметались. «Брат Му, помочь вам?»

«Не нужно».

«Хорошо».

Он поставил золотой фонарь, ответил словами, но на деле не послушался: сам выбрал для Му Чэньсюэ чистое ночное платье, в два счёта разложил полотенце, расстелил постель и тут же ушёл.

Му Чэньсюэ, услышав возню, слегка повернул голову, но ничего не сказал.

Когда Шэнь Чии вышел, его встретил Улин с видом человека, которому есть что сказать: «Господин?»

«Идём за мной».

Он привёл Улина в свою комнату и спросил: «Что случилось?»

«Наследный принц перед Новым годом просил знакомых во дворце разузнать о передвижениях нескольких человек. Только что пришёл ответ. Все эти люди находятся в столице. Сегодня в императорском городе всё спокойно, никаких особых новостей».

Действительно, было такое дело.

Шэнь Чии хотел только тихо и незаметно оставаться никому не нужным прохожим, не влияя на основную сюжетную линию. Все эти годы он намеренно держался подальше от главных персонажей из оригинала.

Всякий раз, выходя из дома, он регулярно наводил справки о местонахождении некоторых «опасных» имён, чтобы удобнее было их избегать.

Если бы сейчас кто-то из них оказался в Яньчжоу, он немедленно взвалил бы на плечи Му Чэньсюэ и Улина и пустился бы в бег.

Он переспросил: «Точно? Все в столице? Особенно этот Лоу из рода Лоу — Лоу Циншуан...»

Улин, хоть и не знал, почему его господин вдруг начал расспрашивать о незнакомом новом аристократе из знатного рода, всё же добросовестно ответил: «В переданном сообщении говорится, что этот господин Лоу в прошлом месяце внезапно простудился и всё это время отлёживался дома, восстанавливаясь. Он не только не выезжал из столицы, но даже за дверь не выходил».

Шэнь Чии вздохнул с облегчением.

С этим господином Лоу ему было не по силам тягаться.

Главный герой этого романа — Лоу Циншуан, непревзойдённый стратег во всём повествовании. В глазах остальных он был безупречным благородным мужем, редким талантом, чистым и возвышенным, изящным, как высокий бамбук, и тёплым, как прекрасный нефрит.

На самом же деле Лоу Циншуан просто преуспел в том, чтобы одурачить императорскую семью и всех гражданских и военных чиновников. Лишь в конце, когда вся власть оказалась в его руках и он стал держать императора в заложниках, управляя Поднебесной, он явил свою жестокую и безжалостную, хладнокровную сторону.

В столице все говорили, что господин Лоу — честный и добрый чиновник, но Шэнь Чии знал: этот человек — лицемер. Под сияющей внешностью скрывается бездна тьмы. Кто свяжется — погибнет.

Среди главных персонажей оригинального произведения больше всего он боялся связываться с Лоу Циншуан.

Ему совершенно не хотелось иметь с этим человеком никаких дел.

<http://bllate.org/book/15473/2059464>